

Цунэо сидел на крыльце своего дома и курил трубку. Он отвел Наруто в комнату для гостей. Хироми осталась присматривать за ним. Его дом был не очень большим, но в нем было большое додзё. Он стоял в одиночестве в центре бамбуковой рощи. До города было несколько километров, и он ездил туда лишь раз в месяц.

"Дорогой, вот тебе чай", - сказала Саки. Несмотря на простую одежду, она выглядела элегантно. Ее кожа была гладкой и белой, а улыбка покоряла сердца тех, кому выпадала честь ее видеть. Черные волосы она всегда укладывала каскадом.

"Спасибо, дорогая", - сказал Цунэо.

Саки присела рядом с ним. "Ты думаешь о мальчике?"

"Да. Я думаю, почему Киндзё заинтересовался им".

"Хироми говорила, что Киндзё хотел съесть мальчика".

"Ты же знаешь Киндзё, милая. Он никогда бы так не поступил. Даже если он уже умирает от голода, он скорее умрет, чем съест человека".

"Хммм... а что, если он просто хотел отдать его Сэцуко", - сказала она, лукаво улыбаясь. "В смысле, мальчик милый. Сэцуко наверняка его полюбит".

Цунэо недоверчиво посмотрел на нее. "Ты отдаешь себе отчет в том, что говоришь?"

Она хихикнула. "Конечно, осознаю".

Он покачал головой. "Сэцуко убьет его. Это просто невозможно. Хироми говорила тебе, что Юудай охраняет мальчика?"

"Юудай? Это удивительно. Может, мальчик - король в каком-нибудь далеком королевстве?"

"Знаешь, с твоим богатым воображением ты должен стать писателем. Юудай - мудрое существо. Он может видеть то, что наши глаза легко пропускают. Как ты думаешь? Может быть, этот мальчик послан небесами, чтобы наконец открыть двери в нашу страну?"

"Кто должен стать писателем? Давайте не будем делать выводов. После того как мальчик проснется, он сможет нам все прояснить".

Цунэо вздохнул через нос.

Саки встал. "Ладно, тогда. Я оставлю вас наедине. Пейте чай. Он остывает".

Тсунео улыбнулся. "Спасибо."

...

Киндзё лежал на вершине гладкого обрыва внутри пещеры, положив морду на передние лапы. Со сталактитов наверху капали капли воды, разнося по всей пещере монотонное звучание знакомых нот.

Бакурю спрыгнул снизу и встал рядом с ним. "Мы потеряли шесть волков. Остальные серьезно ранены".

"Мне очень жаль. Это была моя вина".

Бакурю лег рядом с Киндзё. "Никто тебя не винит. Киндзё, ты действительно думаешь, что этот мальчик - шиноби?"

"Когда я оказался рядом с ним, то убедился в этом. Мне не показалось".

"Отец", - позвала женщина снизу. Бакурю и Киндзё встали.

"Сэцуко", - сказал Киндзё.

Поразительная молодая женщина, одетая в волчью шкуру, спрыгнула с земли, приземлилась на камень и снова прыгнула вверх, приземлившись на обрыв, где находился Киндзё. У нее были выбеленные солнцем волосы длиной до плеч, не знавшие прежде расчески, изрезанные острой костью. Ей было восемнадцать лет. Лицо у нее было маленькое, но все в нем было милым, особенно нос и губы. Глаза у нее были карие, как дерево. Над ними возвышались густые брови, не кустистые, но достаточно густые, чтобы придать ей слегка мужественный вид.

"Зачем ты это сделал?" спросила Сэцуко, кипя от ярости. "Ты же знаешь, как опасно идти против Юдаи и этого старика. Неужели ты так отчаянно нуждаешься в еде? Что с тобой происходит?"

"Мне очень жаль, Сэцуко".

Сэцуко опустилась на край пропасти. "Скажи мне, почему ты это сделала?"

"Я просто хочу подарить тебе мужчину".

Сэцуко покраснела. "Будь серьезной, старая волчица!"

"Я серьезно".

"Почему ты всегда что-то скрываешь от меня, несмотря на мое положение? Я что, зря альфа? Если бы меня не было рядом, тебя мог бы избить Цунэодзисан".

Киндзё подошел к Сэцуко и лизнул ее в щеку. Он свернулся вокруг нее калачиком. Бакурю, почувствовав, что он здесь не нужен, прыгнул с обрыва. "Сэцуко, если когда-нибудь у меня появится возможность вернуться в деревню, ты пойдешь со мной?"

Сэцуко обняла колени. "Я пойду с тобой, отец. Но..."

"Я не возьму тебя".

"Что?" Она повернулась и посмотрела на Киндзё.

"Мой мир - страшный мир. Ни один обычный человек не сможет прожить в нем и трех часов. Кроме того, у тебя там было "но". Почему бы тебе не вернуться к Тсунео? Он добрый человек. Он заботился о тебе до того, как ты решила пойти с моей стаей".

"Я ненавижу этого старика. Он был слишком заботливым. Я не мог дышать в его доме. Он не давал мне много свободы".

Кинджо рассмеялся. Звук многократно отразился от стен пещеры. "Но она относилась к тебе как к его дочери".

"Я знаю это. Но именно ты спас мне жизнь, когда я была совсем маленькой. Я могла бы умереть, если бы не ты. Кроме того, здесь я могу делать все, что хочу". Молчание. "Ты действительно хочешь вернуться?"

"Меня там ждет моя семья. Сэцуко, это место заставляет меня стареть в пять раз быстрее. Ты видела, как эти птицы изводили нас, словно крыс? Я ослабел. Я уже не тот волк, которого вызывали".

Сэцуко задумалась на несколько мгновений. "Ты думаешь схватить этого незнакомца, потому что веришь, что он может тебе помочь".

Киндзё посмотрела на дочь. "Да. Я верю, что он может призвать меня обратно".

"Как ты это сделаешь? Цунэодзисан забрал незнакомца с собой. Его семья сильна".

"Мы должны использовать число, Сэцуко. Это единственный способ".

"Почему бы тебе просто не поговорить с ним? Расскажи ему, что ты хочешь от незнакомца. Так будет безопаснее".

"Он не из тех, кто откажется от человеческой жизни".

"Но ты же не причинишь незнакомцу вреда!"

"Он не поймет. Сэцуко, у нас нет близких отношений. Он мне не доверяет".

"Но почему? Вы же были друзьями!"

"Я не помню, чтобы мы с ним дружили".

"Но вы же общались друг с другом".

"Мы знакомы. Вот и все. И я в долгу перед ним за заботу о тебе".

"Я не понимаю."

"Взрослый бизнес. Это сложно".

Прошло несколько секунд, прежде чем Сэцуко заговорила снова. "Ты действительно так сильно хочешь поехать?"

"Да, Сэцуко".

"И ничто не может тебя переубедить?"

Киндзё прижался к Сэцуко. "Прости, Сэцуко, но я должен. Это шанс, который выпадает раз в жизни. Возможно, у меня больше никогда не будет такой возможности".

Сэцуко обняла Киндзё за шею. "Я не хочу тебя потерять".

"Ты не потеряешь меня. Я - зверь-призыватель. Подружись с тем, кто призовет меня обратно, и, если он разрешит, ты сможешь видеть меня, когда захочешь".

"Это правда?"

"Да".

Сэцуко долго не отходила от Киндзё, зарывшись лицом в его шерсть. Затем она встала и подошла к краю обрыва. "Бакурю! Иди сюда!"

Бакурю сидел под обрывом. "Сэцуко-сама."

"Собери всех. Я хочу, чтобы все были здесь к завтрашнему полудню".

"Да, Сэцуко-сама".

"Я рассчитываю на тебя, Бакурю".

...

Мидори только что закончила обычную тренировку. Когда она шла по коридору, ведущему к дому, деревянный наконечник ее копья "Полумесяц" лязгал при каждом ее шаге. Она была жемчужиной. Ее иссиня-черные волосы, отражающие солнце, завязанные в хвост, покачивались, когда она пересекала широкий пол додзе. Она была белой как снег, но ее кожа имела розовый оттенок, и сейчас, из-за крови, которая бурлила в ее венах от нагрузок, он был более заметен. Ее руки, хоть и мозолистые и изможденные, все еще сохраняли коническую форму женской нежности, а ногти она всегда держала короткими и чистыми. У нее была тонкая талия, а грудь была полной, несмотря на то что ей было всего семнадцать лет. У нее были прекрасные зеленые глаза с ореховым оттенком. Нос у нее был симметричной формы, почти как у скульптора, а губы - самые красные из всех. Но самой завораживающей ее чертой было не то, о чем говорилось выше. Это были ямочки на ее щеках, в области чуть ниже глаз. Когда она улыбалась, они появлялись и поражали громом все сердца.

Она встретила Тсунео, когда тот поворачивал из-за угла, направляясь к крыльцу. Она улыбнулась ему, демонстрируя идеальные белые зубы.

"Привет, папа!"

"Мидори. Уже закончила? Я как раз собирался посмотреть, как ты тренируешься".

"Я пропустила пятый танец. Я внезапно проголодалась".

"Тогда ешь". Он позвал Саки: "Дорогая! Маленькая Мидори умирает от голода! Убей одного медведя!"

"Папа!"

Цунэо засмеялся. "Я хотел немного с тобой поспорить".

"Прости, папа. У меня уже нет настроения. В следующий раз, наверное".

"Конечно. Тогда до встречи".

"Хорошо." Мидори пошла в сторону гостевой комнаты.

Тсунео остановился, словно вспомнив что-то, и пожал плечами. "Ну что ж. Наверное, это мое воображение". Он думал, что Мидори идет в свою комнату. Он забыл, что у Мидори дурацкое чувство направления и она легко теряется даже в доме.

...

Комната для гостей была такого же размера, как и её комната, поэтому она не заметила разницы. Она огляделась в поисках чехла для его копья и нахмурилась, не найдя его. "Ну и ну. Хироми, должно быть, спрятала его где-то. Этот ребенок. Правда!" Она положила копье на пол. "Прости, сестренка. Я отнесу тебя в постель позже. Сейчас я очень голодна", - сказала она своему копыю. Она повернулась, чтобы уйти, но тут заметила футон в центре комнаты. "Нет, нет! Я обещаю избавиться от этой привычки". Она отвернулась и вышла. Она не могла уйти. "Нет, нет, нет! Ты сможешь это сделать! Решимость!" Она действительно не могла. "О, брат. Ладно. Но только чуть-чуть". Она вернулась к футону и буквально нырнула на него. Она обняла горб одеяла, полагая, что это всего лишь подушки. "Мне так хорошо, когда я в постели. Можно немного вздремнуть. Все равно от меня не пахнет. Не нужно принимать душ". Она скользнула под одеяло и обняла то, что лежало рядом с ней. Она уткнулась в него лицом.

Через минуту и секунду она поняла, что рядом с ней не куча подушек. Она внезапно открыла глаза. Это был мужчина. Мужчина! Она закричала так громко, что дом, казалось, задрожал.